

ния здесь неожиданно проблескивает некое уважение к тому, кто, согласно присяге, называется грубо и четко. Столь же выразительно этикетное смещение в обращении Пугачева к Хлопуше: “Он часто обращался к нему, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкой”. Великолепно постоянное обращение Пугачева к Гриневу: “ваше благородие” – не только при первой встрече, но и в бытность свою “мужицким царем”, когда это величание вроде бы по этикету уже совершенно неуместно: но здесь, очевидно, тоже своеобразная смесь иронии и невольного уважения.

Своеобразная стилистическая тонкость оттенена Пушкиным в употреблении личных местоимений – “ты” и “вы” в обращении к собеседнику. В XVIII в. этикетно-вежливое “вы” (в значении “ты”) под влиянием французского не просто утверждалось в русском языке. Дядька Савельич обычно называет своего воспитанника на “ты”, но, смотря по обстоятельствам, может употребить и “вы”. Савельич в обращении к старому барину (особенно в письме) помнит, с кем общается, но привычка к “нормальному” языку невольно берет свое и грамматика послания получается ненормативной:

“Государь, Андрей Петрович, отец наш милостивый! Милостивое послание ваше я получил, в котором изволишь (2-е лицо ед. ч. – Х.В.К.) гневаться на меня, раба вашего...”

Опять же отметим своеобразие отношений Петра Гринева и Пугачева: они остаются всегда на “ты” (Швабрин, конечно же, обращается к “государю” на “вы”), что в устах Пугачева в сочетании с “вашим благородием” звучит и забавно, и трогательно.

Особой тонкостью отличается общение героя и героини романа. Сначала они, конечно, говорят друг другу “вы”. Перелом наступает, когда герой решается на признание:

“Что, как вы себя чувствуете?” – сказала она. – “Слава богу, – отвечал я слабым голосом. – Это вы, Марья Ивановна? Скажите мне...” И далее: “Милая, добрая Марья Ивановна, – сказал я, – будь моей женой, согласитесь на мое счастье”. Она опомнилась. “Ради бога, успокойтесь”, – сказала она...” А еще ниже: “Но подумай хорошенько, – прибавила она, – со стороны твоих родных не будет ли препятствия?”. С этого момента Петруша всегда говорил ей “ты”, она же вскоре опять возвращается к “вы”, не переставая любить его.

Казалось бы, всю эту гамму человеческих отношений, запечатленную Пушкиным в кратчайшей форме с использованием законов родного языка, просто невозможно адекватно передать другим языком, тем более вьетнамским, в котором нет столь развитой системы ономастики, например. Но здесь вступает в силу особая система

личных местоимений вьетнамского языка, которая позволяет столь же лаконично (как у Пушкина) выразить самые сложные (иногда запутанные и противоречивые) человеческие отношения.

Приведем примеры:

Личное местоимение “я” в “Капитанской дочке” возникает в разных контекстах. Это отношения “отец и сын” (Андрей Гринева и Петр Гринева); “муж и жена” (Андрей Гринева и Авдотья Васильевна; Отец Герасим и Акулина Памфиловна); “слуга и хозяин” (Андрей Гринева и Савельич; Савельич и Петр Гринева); “друзья” (Зурин и Петр Гринева) и пр. В письме отца к сыну читаем: “Мы получили 15-го сего месяца...”, “не только моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но еще и собираюсь до тебя добратсья да за проказы твои проучить тебя путем как мальчишку”. Если переводить прямое значение слов, во вьетнамском языке появятся здесь *Той* (я) и *Тьонг той* (мы). Но Као Суан Хао перевел: “мы” = *Тья ме* (буквально “отец” и “мать”, т.е. родители) а “я” = *Тао*. Местоимение *тао* выражает гневное отношение или используется в отношении друзей (если они равны по социальному положению). Таким образом во вьетнамском переводе запечатлена сложность и противоречивость возникшей ситуации между отцом и сыном.

В главе VII А. С. Пушкин говорит: “Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: “Как ты смел противиться мне, своему государю?”. В прямом значении, стилистически нейтральном, здесь можно употребить местоимения *Той*, *Тао*. Но Као Суан Хао перевел: *Та*. Это звучит гордо и торжественно; так государь обращался к подданным. Кроме того, такое личное местоимение еще указывает на то, что Пугачев является человеком, умудренным жизненным опытом.

Глава XII называется “Сирота”. Автор рассказывает о встрече Петра Гринева и Марии Ивановны. Они любят друг друга, но волею судеб разлучены. Наконец, они встречаются после разлуки, которая показала им нескончаемо долгой. Петр Гринева говорит: “Я почитаю тебя своей женою”. В переводе “я” переведено “Ань”. Это личное местоимение употребляется в общении взрослого со взрослым, но оно также выражает близкие отношения между говорящим и слушателем. В любви оно выражает сердечное отношение.

В главе I автор рассказывает о том, что случилось после того, как Гринева и Зурин отужинали у Аринушки.

“Савельич сказал жалким голосом: “Что это, сударь, с тобою сделалось? Где ты это нагурился?...” Во вьетнамском языке есть эквивалент слову “сударь” – местоимение *Кау*. Это слово является личным местоимением, которое ныне используется для обращения к младшему брату